E58
539

Рютин М. Сталин - большевик

Р 978
Е 58/539

М. Рютин.

Старик-большевик.

Государственное Издательство.

Г. Иркутск.
Тип. № 5, Об-ва Потр. «Сиб. Кн. Дело».
1920 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33058 1992

№ — 97
504153
80007
Музей … № 2695
Сер 12051

СТАРИК-БОЛЬШЕВИК.

Расскажу вам, мужики,
Вы, ведь чай не дураки,
Как седой вот я старик
Стал под старость большевик.
Жил я славно и легко,
От начальства далеко,
Имел семью—трех сынков,
Семь лошадок, трех быков,
Свинок куриц и циплят,
Пять коровок, двух телят,
Сынки землю ковыряли,
А зимой извоз гоняли,
Бабы—ставили красна,
А тут глядь—опять весна...

***

Вот и шли так год за годом.
Как со всем честным народом
Приключилась вдруг беда,—
Знать, планида, аль звезда
С длинным огненным хвостом
Погубила и мой дом.
Началась война с германцем,
Турки стали с итальянцем,
Словно лютые гиены
Грызть друг друга, лезть на стены.
Кровь и слезы полились...
Знать, мы горя дождались...
Бац—зацапали в солдаты,—
Чтоб им лопнуть, супостаты!—
Моих Ваню, Спиридона
Для защиты, значит, трона.
Бабы выли выли, выли,
Про хозяйство позабыли,
Про красна и про тесьму,
Так и встретили зиму...

А хозяйство рассыпалось:
Тут сломалось, там порвалось,—
Все сынок один в ответ,
А ему пятнадцать лет.
Тут я Господу взмолился,
Пошел бате поклонился.
Подарил ему телка,
Только-б вымолил сынка
Хоть Ванюшу мне одного.
Думал, чай, спасет родного.
Спиридона я забыл:
Своенравный больно был.
Он—ругал царя, начальство,—
За его, ведь за охальство
Я молиться не могу.
Вся вот правда—я не лгу.
Так и думал я, тетеря,—
Я смеюсь над тем теперя,—
Как царя я богом чтил,
Спиридона как журил...
Ах сыночек, мой сыночек,
Ты прости меня, дружочек,
Ты всю правду говорил,
Царь, ведь, кашу заварил!...

***

Что ж поделаешь, смирились,
Я судьбе мы покорились.
Стали жить кой-как один
Между добрыми людьми.
Сыновья мне письма слали
Да конца войны все—ждали
Что вот скоро-де царя
Со всей матушки земли
С толстопузыми купцами
Из далеких всяких стран

387

Через синий океан,
Понаедут все на сходку,
Всем бойцам дадут на водку
И заключат прочный мир.
То-то будет славный пир!
Жить в окопах было трудно:
Страшно, грязно, сыро, нудно.
Пули дождиком шумят
И, как лес, людей валят.
Да к тому же смертным боем
С диким ревом, волчьим воем,
Офицеры били их,
Как рабов, аль псов своих.
Дети жалились на долю
Да сдались на божью волю:
Что вот скоро-де конец
Нам пошлет же наш Отец.

* *
*

Только вдруг от сына Спири
Мы в глухой тайге Сибири
Получили вновь пакет.
Первым долгом слал привет
Он отцу, мамаше, брату,
Жене Фекле, детям, свату.
А потом в письме читаем,
Что убит Иван... рыдаем
Все — ребята, бабы, я,
Плачет горько вся семья.
И убитый этим горем
Я пять дней кутил запоем.
На шестой лишь оклемался,
Но за то весь день ругался:
Эх, цари вы, генералы,
Офицеры и капралы,
Вы, помещики-дворяне
Чтобы сгинуть в океане
Всем вам, черти, дармоеды
Знать, вы мало, мироеды,
Крови нашей напилися:
Вновь войны вы дождалися,
Убивать людей вам надо,
Вам бы лишь одни награды
Да кресты лишь получать.
Мужикам нам наплевать
На войну, на вашу эту,
Не нужна она, ведь, свету.
Нам крестьянам мужикам,
И рабочим беднякам,—
Нам немецкие солдаты
Не враги, не супостаты.
Все рабочие—нам брату,
Там и тут—один солдат.
С вами, чертово отродье,
(Что зоветься «ваше бродье»)
Надо нам повоевать,
В шею вам бы надавать
Вдруг ворота растворились,
И в ограде появились
Две фигуры: становой
И наш писарь Буревой.
Вот вошли они и в хату:
Наше вам —изволь-ка плату,
И ответ давай мужик
Ты брат что же,—большевик?
Как зовешься? Что? Гаврило?..
Розвернулся в ухо, в рыло
Становой меня стал бить.
Ишь -ты... в море утопить
Захотел уже начальство?
За такое я бахвальство
Заморю тебя в тюрьме!
Дай веревок, писарь мне!
Да! Войны тебе не нужно
С немцем хочешь жить ты дружно.
Сына жалко, вишь, ему!..
Повезли меня в тюрьму...

* *
*

Вот так фунт,—попался ловко!
Знать, дурная-то головка,
Заварила кашу мне.
Бабы стали жить одне.
Шесть недель сидел в участке.
Да к святой лишь только Пасхе,
На недельке на седьмой
Чуть добрелся я домой.
Удружило мне начальство.

Добром нажил я хозяйство,
Но война и становой,
Погубили с головой!
Все мои труды-достатки
Извелися. Две лошадки,
Три коровушки дойных,
Не кормили бедных их,
Пока я сидел в „чижовке“,
Парень мал—ходил в поддевке
После бани да простыл.
И недельку только жил..
На другую Богу душу
Отдал бедный мой Петруша.
Бабы что-ж без мужика?—
Сена нету ни клока.
Ни соломы нет, ни хлеба.
Попросили кума Глеба,
По хозяйству чтоб помог.
Не пошла их просьба впрок.
День за днем он обещался,
А потом и отказался.
Глеб богач, вишь, и кулак,
Чтож он будет за дурак—
Помогать в нужде соседу.
Кому горе, а ему
Все копеечка в мошну!
Хорошо же сукин сын,—
Не все будешь дворянин.
Придет время, и мы здесь
Пособьем с тебя всю спесь.
Кулаку и мироеду
Мы прикажем—чтобы следу
Он на сходку к нам не клал,
Чтоб не путал нас, не зрал.
Про войну что вот свободу
Принесет, дескать, народу...
Года три, никак и больше,
Спиря был на фронте в Польше.
Вдруг—сбылись его слова—
Прокатилася молва:
Царя наши же солдаты
Да заводские ребята
Взяли в плен в его дворце.
А потом его в конце,
Словно райскую жар-птицу,
Посадили там в темницу.
Ловко вышло дело, братцы!
Я схватился аж за святцы!
Стал святых благодарить
Что свободно станет жить,
Что конца войны дождались
Что довольно настрадались
Без сынов мы и детей.
Радость, счастье для людей!

*
* *

Только, как их-бишь,—эсеры
Ну, и хитры волки серы.
Знамо дело—„аблакаты“,
Понаслали к нам плакаты
И давай в них нам бубнить,
Дескать плохо будет жить,
Ворямь, придется умирать,
Коль не будем воевать,
И коль немцам и мадьярам,
Вроде нынешним татарам,
Мы Россию отдадим.
И пошла вновь потасовка.
Как хвостом лиса-плутовка,
Языком эсеры бают
Мужикам очки втирают.
Мужики не взяли в толк,
Что эсер все тот же волк,
Лишь надел овечью шкуру
(Может, мол, поверят сдуру.)
Что эсер наш, Тит кулак
При царе держал кабак,
Постоялый имел двор—
Только-только чуть не вор.
Не поверил я болтуше,
Хвастуну эсеру, вруше,
Стал я думать и гадать,
Где бы правду соглядать.
Только вот газеты пишут,
Что эсеры еле дышут
И пришел им всем капут—
Власть советы всю возьмут,

Что, мол, каждый-де мужик
Будет скоро большевик,
Коль войну он хочет скоро
Кончить толком и без спору,
Коль крестьянская вся рать
Хочет землю отобрать
У помещиков, министров,
Чтоб не бил крестян всех пристав,
Чтоб на всей бы на земле
В каждом городе, в селе
Все народы жили дружно
Что в советы только нужно
Избирать лишь бедняков,
А не с пузом кулаков.

* * *

Наконец, пришла нам весть
(Знать рабочих не оплесть)—
Саша Керенский утек
То-ль на запад, то ль—восток;
Питер с легонькой руки
Взяли вдруг большевики,
Объявили свой декрет:
Пусть поведает весь свет —
Бросьте, братцы, воевать
И друг друг друга убивать.
От войны один изъян
Для рабочих и крестян:
Ведь война нужна министрам
Да тузам-капиталистам,
Собирайтесь в дружный стан,
Пролетарии всех стран!
Тут же издали другой,—
Наш помещик сам не свой:
Вся земля попов, дворян
Отдается для крестьян.
Мужики куда как рады,
Дождались они отрады,—
Взяли земли, и с войны
Приезжают их сыны.
По деревне шум и звон.
К Рождеству и Спиридон
К нам вернулся: тощий, бледный
И помаялся он, бедный!
Три он года был в бою,
Сгубил силушку свою,
Потерял глаза, домой
Он пришел совсем слепой.
Эх, мужицкое—ты, горе—
Шире поля, больше моря!
Нам тебя ль не переплыть?
Нет, неправда—будем жить
Мы без горя, но тогда,
Когда красная звезда
Будет светить над всем миром,
Когда хищникам-вампирам
Будут выбиты клыки.

* * *

Да, давно-ль я жил в привольи,
Словно в поле на раздольи!
Были лошади, коровы,
Дети взрослые здоровы.
Не бери с простой руки—
Говорили мужики.
А теперь—эх ты, житьишко!—
Развалился мой домишко,
Порассыпались заборы,
Не боюсь, коль даже воры
Забрались бы в мой амбар:
В нем гуляют только мыши,
Пусто от полу до крыши.
Семь лошадок было,—две
Лишь осталося при мне.
А коровы и телушки
Во всей нашей деревушке
От бескормицы пропали.
Овец, птицу мы продали,
Деньги в подать взяли с нас,—
Облупили всех зараз.

* * *

Все на сходку, все на сходку!
Только бросьте—на водку
Не дадут теперь вам там.
На собраньи шум и гам.
Разгорелись дюже страсти,
О Советской, значит, власти,
—Нам кого-же выбирать?

Глеб кулак давай орать.
Из-за пазухи бутылку
Он на стол: „за учредилку“
—Выпивайте все до дна
Получу после сполна.
Прочь советы!—В них бедняк,
Править будет да средняк
—На, возьми-же учредилку!—
Развернулся, по затылку
Глебу бац мой зять Кузьма,
—„Пусть мне будет хоть тюрьма,
А стоять за правду-матку
Буду я. Ты что-же,—взятку
Хочешь дать нам, сукин сын?
Дать нам хочешь лишь алтын,
Чтоб слупить потом рублевку?
Вот тебя-бы на веревку,
Подтянуть-бы, милый мой!
Знать, еще ты старшиной
Хочешь десять лет служить,
Еще хочешь дом нажить
На мужицких крови-поте?
Вишь, в какой о нас заботе!
Снова хочешь брать подряды
Мы трудись—тебе награды!
С пуда пять копеек, шесть
Глотка лопнет, коли есть
Будешь много ты с народу.
Поищи помельче броду!!!—
Кулаку наш был ответ.
Тут-же выбрали Совет.

*
* *

Идет месяц, идет два,—
Пронеслась опять молва:
Для крестьянского Совета
Дескать,—начата и спета
Песня вправь и вышло так:—
Нами править стал Колчак.
Нас опутали эсеры,
Хоть и нет теперь им веры,
Но два годика назад
Мы им были сущий клад.
Ну так вот,—советов нету,
Лучше-ль стало житься свету?
Нет! И тут вот я, старик,
Стал совсем уж большевик.
Помню год тому назад
Винг приехал к нам отряд.
Сам начальник собрал сходку
И кричит во всю он глотку:
—Почему ваши ребяты
Не идут служит в солдаты,
Почему вы податей
Не даете? Дать плетей
Мужикам этим, крестьянам,
Всем зачинщикам, смутьянам!
Окружили нас казаки,
Рассердились, жаждут драки,
И давай нас плетью сечь.

Я не мог ни стать, ни лечь
Целый месяц. Тело ныло:
Вся деревня не забыла
Колчаковский шомпол-кнут.
Так нас выучили тут!
Кум Иван и сват Данило,
Зять Кузьма и брат Вавило,
Наш колесник Фалалей
И бобыль старик Андрей
Долго спины все чесали.

А теперь всем заказали
Чтобы помнили они
Те колчаковские дни,
Чтоб мужик держался дружно,
Что крестьянам очень нужно
Посильнее приналечь—
Власть Советов уберечь.
Попороли нас, побили
И, поехав, пригрозили,
Что в деревню вновь заглянут
И не так уж нас подтянут,
Не дадим коль мы ребят
Для колчаковских солдат.
Не прошло и три недели—
В самом деле прилетели
Вновь солдаты молодцы.
—«Отвечайте-ка, отцы!

Загалдели колчаковцы,
Заметались мы, как овцы.
Кто куда—в овин, сарай,
Всяк спасайся, не зевай!
Всю деревню снова били,
Никого не позабыли.
Что-ж, ребята рассердились,
Всем селом вооружились:
Кто винтовкой, кто колом—
Жарьте прямо напролом!
И пошла тут переделка,
Сутки длилась перестрелка,
На вторые отступили
От деревни в ранах, в пыли
Старики и молодежь.
Что-ж мы видим? Не поймешь!
Кровь застыла в нас от гнева!
Мы лишились крова, хлеба.
Вся деревня, ведь, в огне!..
Тут все ясно стало мне:
Нас спалили казаки,
Все купецкие сынки!

* * *

Тут я понял: мироеды
Принесли нам горе, беды.
Тут я понял, что в войну
Затянули всю страну
Генералы нас напрасно,
Словом, все мне стало ясно!
Наши дети словно мухи,
От снарядов, голодухи
На чужбине погибали,
А буржуи—набивали
Себе золото в подвалы,
Им же сыпались похвалы.
Мужик в счастье иль в беду
Кушал только лебеду.
А помещики на воды,
На вино и бутеброды,
На танцульки, на поклоны
Проживали миллионы...

. . . .

Так вот, братцы, я, старик,
И стал ныне большевик!

Рютин.

Фонд ... СССР
2693
Библиотека ...